

УДК 812.111(73)(091)

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

В НОВЕЛЛАХ У. САРОЯНА

“АНДРАНИК АРМЯНСКИЙ” И “СЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ АССИРИЙЦЕВ”

© 2008 Е.С. Фадеева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 августа 2008

Аннотация: В статье раскрывается проблема национального менталитета на примере новелл У. Сарояна “Андраник Армянский” и “Семьдесят тысяч ассирийцев”. Автор анализирует произведения, сосредотачивая внимание на понятиях, которые помогают детально рассмотреть проблему армянского национального менталитета, таких, как общение национальных культур, диалог культур на рубеже веков, национальная идентичность, национальная память. Анализ помогает ответить на ряд вопросов: что есть для армян старая и новая родина, сохранилась ли в них память предков (также по сравнению с другими эмигрировавшими нациями), чем живет их народ в Америке, как влияет история народа на его мировосприятие, какова роль войн в истории Армении и других малочисленных наций.

Ключевые слова: менталитет, национальный менталитет, идентичность, национальная идентичность, новеллы, У.Сароян.

Abstract: The article is devoted to the problem of national mentality in W. Saroyan's novels “Armenian Andranik” and “Seventy Thousand Assyrians”. The author analyzes the works paying attention to notions which help to consider the problem of Armenian national mentality in detail, e.g. communication of national cultures, cultural dialogue during the century's boundary, national identity, and national memory. The analysis helps to answer the following questions: what is old and new motherland for Armenians, how strong is their ancestors' memory in themselves (as well as how strong is their ancestors' memory in themselves in comparison with other emigrant nations), how do Armenians live in America, how does Armenian people history influences Armenian mentality, how wars influence Armenian history and history of other small nations.

Key words: mentality, national mentality, identity, national identity, novels, W.Saroyan

Проблемы национальных культур, их взаимодействие на рубеже XX и XXI веков в силу различных причин – социально-политических, морально-этических, психологических – приобретают особое значение. В литературоведении эти, в принципе, не новые вопросы все чаще осознаются как одни из важнейших. Национальная специфика литературы в течение длительного

времени воспринималась и разрабатывалась учеными различных литературно-критических школ и направлений. Актуальность проблемы диалога культур в самом широком спектре смыслов – от бытового до онтологического – утверждается сегодня в многочисленных работах философского, психологического, культурологического, литературоведческого характера. Проблема общего языка и понимания актуализируется в ситуации встречи различных национальных ми-

ров, причем драматизируется не на абстрактном уровне культур, а на уровне человека – носителя определенного национального менталитета в сопоставлении со свойствами и чертами иных национальных менталитетов. “... ментальность можно рассматривать как некую многогранную призму <...>, сквозь которую общность и составляющие ее индивиды <...> рассматривают и оценивают действительность, в результате чего создают свою картину мира” [1, 11]. Разнообразие мира часто может приводить к разобщенности и непониманию, но может и способствовать успешной реализации диалога культур.

Проблема межнационального диалога связана с не менее актуальной сегодня проблемой национальной идентичности. Причины ее актуальности следует искать в проявившейся жизненной необходимости определения человеком своего места и своего “я” в современном многоликом мире. Одним из писателей, затронувших в своих произведениях проблему национальной идентичности и, следовательно, национального менталитета, по праву можно считать Уильяма Сарояна.

Уильям Сароян (1908–1981) – один из значительных американских писателей, известный прозаик и драматург. Вклад У. Сарояна в литературу очень весом. Его перу принадлежит множество рассказов, двенадцать пьес и около десяти романов, но обращение к жанру новеллы оказалось для писателя наиболее плодотворным. И это отнюдь не случайно, ибо, во-первых, жанр новеллы всегда пользовался большой популярностью в США, а во-вторых, новелла всегда концентрирует внимание на ядре сюжета, центральном событии; она не просто повествует, а делает акцент на его неповторимости. Идеи и темы подсказывала окружающая действительность, сюжеты автор часто брал из собственной жизни. Практически каждое его произведение автобиографично. Автобиографичность же, в свою очередь, невольно придает новеллам особый колорит, так как во многих из них, прямо или косвенно, мы находим размышления о судьбах Армении и ее народа. Дело в том, что семья Сароянов, как и многие другие армянские семьи, эмигрировала в Америку в начале XX века. Родиной Уильяма Сарояна была не Армения. Он родился уже в Калифорнии, однако любовь к стране родителей, память о фактах и событиях ее истории писатель пронес через всю свою жизнь и творчество.

Интересным примером воплощения основных характеристик армянского национального менталитета представляется, на наш взгляд, новелла “Андраник Армянский”. В произведении идет речь об одном из событий жизни рассказчика, произошедшем в городе Фресно. В детстве главный герой работал рассыльным в офисе своего дяди. Дядя был адвокатом и принимал

посетителей. У. Сароян повествует о том, как незаметно и спокойно проходило время. Однажды в городок приехал армянский генерал Андраник – известный и уважаемый человек, которого армяне считали национальным героем. До тех пор мальчик ни разу не видел Андраника, но знал о нем из рассказов бабушки: “Каждое утро она распевала песни о воине Андранике; так я узнал, что он был армянином, крестьянином-горцем, который верхом на черном коне с горсткой своих людей сражался с врагом” [2, 53]. Писатель признает, что сначала, в силу своего возраста, он не мог в полной мере понять и объяснить суть происходившего: “...по своей собственной неизъяснимой печали я мог судить, что в мире происходит что-то не то, только я не знал, что именно” [2, 53]. Однако армянские песни и особенное звучание голоса бабушки настроили мальчика на верный лад восприятия действительности, пробудили в нем сознание предков: “Ее сильный скорбный голос был полон великолепного гнева, и вот тогда я начал догадываться. Я подхватил этот язык и заговорил на нем как-то сразу, потому что он жил во мне и мне оставалось только восстановить связь между словами и памятью. Я же армянин” [2, 53]. В данном случае необходимо отметить кроме национальной памяти – память генетическую. То, что ребенок слышит речь, находясь еще в чреве своей матери, является на сегодняшний день общепризнанным фактом. Поэтому кажется естественным, что слуху и пониманию главного героя легко даются армянские песни и армянский язык. Здесь имеют значение и воспоминания из раннего детства. Известно, что границы языка определяют границы мировосприятия. Язык, следовательно, является средством восприятия мира. Таким образом, у родившегося в Америке мальчика армянского происхождения восприятие мира армянина играло почти первостепенную роль.

Здесь кажется уместным вспомнить о том, что в 1915 году генерал Андраник воевал против турок. После войны он так и остался воином и вынужден был покинуть Армению. Сначала Андраник скрывался в Болгарии, потом отправился в Америку. Прибытие бывшего армянского генерала во Фресно стало большим событием: “Казалось, в день его приезда на вокзале Южной Тихоокеанской железной дороги собрались все армяне Калифорнии. Я взобрался на телефонный столб и увидел, как он выходит из вагона” [2, 55]. Андраник явился своеобразным воплощением гордости за Армению, простым человеком, защищавшим ее интересы в самое трудное для нации время: “По окончании войны генерал Андраник как был солдатом, так и остался; не солдатом, дипломатом и писателем, а лишь солдатом. Он был армянином, и только” [2, 55]. Увидеть его и поговорить с ним

было большой честью. Большой честью было и просто поговорить о нем с соотечественниками. Когда дядя спросил племянника, не видел ли он Андраника и получил положительный ответ, он дал ему денег на арбузы. Так же он поступил, когда разговаривал со взрослыми армянами о генерале в своем офисе. Этот жест означает стремление как-то отметить это событие, угостить посетителей, скрасить их беседу. А может, это и своеобразный способ продлить разговор, сделать так, чтобы гости подольше не расходились, чтобы можно было побольше поговорить об Андранике. В день приезда генерала дядя мальчика рассматривал дело двух своих земляков-фермеров. Один из них дал займы другому двести долларов, забыв взять расписку. Должник не хотел признавать этого факта. Однако в тот день в адвокатском офисе царила совершенно не рабочая атмосфера: “Все уплетали арбуз и радовались, что приехал Андраник” [2, 57]. Армяне были заняты только обсуждением этого знаменательного события, позабыв о долгах и обидах. Когда адвокаты все-таки поинтересовались, как быть с делом двух фермеров, должник, уплетая арбуз, к всеобщему удивлению, признал свой долг:

“Но вчера ты мне говорил, что он не давал тебе и пенни, — возразил его адвокат”.

“Так то было вчера! — воскликнул фермер. — А сегодня я увидел Андраника. У меня нет сейчас денег, но я верну, как только продам свое зерно” [2, 57].

Как ни странно, появление генерала оказало миротворческое влияние на исход дела. Интересно, что должник не только признал свой долг, но и пообещал его отдать. Не менее занимательна и достойна уважения реакция второго участника спора: “Братец, — сказал фермер по имени Овсеп, — вот это я и хотел от тебя услышать. Дал тебе двести долларов, потому что ты нуждался в них, и я хотел получить их с тебя, а то люди засмеяли бы меня, дурака такого. Но теперь совсем другое дело. Не надо мне возвращать эти деньги. Оставь их себе в подарок. Они мне не нужны” [2, 57]. Ситуация даже становится несколько комичной, потому что Овсеп не соглашается принять деньги. Получается, что на фоне подъема национального сознания, сплочения, ощущения себя единым целым люди становятся более отзывчивыми и понимающими. Они осознают, что существует нечто большее, чем просто долги или мелкие недоговоренности, споры и разногласия. Все негативные ситуации сглаживаются, так как Андраник своим появлением невольно напомнил об ощущении и стремлении к единой цели — быть армянином, представителем своей нации, помогать и поддерживать друг друга, не забывая о своем долге перед соотечественника-

ми, особенно находясь на чужой земле: “Приезд Андраника со старой родины армяне Калифорнии встретили с ликованием” [2, 58].

Фресно описан в новелле очень живо. Город четко визуализируется читателем, слышатся отрывки популярных песен, звуки, издаваемые продающим воздушную кукурузу вагончиком, проезжающим по улице Санта Клара, голос продавца арбузов Гаспаряна и учительницы школы Эмерсона. В то же время, используя прием воспоминания для совмещения свежего взгляда мальчика со знанием и пониманием ситуации взрослым человеком, Сароян представил его образ как часть более широкого мира, где доброта ассоциируется с простотой и пониманием, а дух мести отступает на второй план.

Ситуация, описанная в новелле, может показаться несколько нелепой, смешной, а разговор фермеров и адвоката — лишенным серьезности: приезд армянского генерала сам собой, а дело, касающееся денег — само собой. На первый взгляд, два этих события никак не связаны друг с другом. Причина снова кроется в особенности грустного и одновременно солнечного юмора У. Сарояна: “И наверное, смысл здесь иной: шутишь, шутишь, и вдруг выясняется, что шутки-то совсем не веселы, потому что открываются вещи, от которых становится тошно. Открывается “область серьеза”. Юморист попадает в нее, в эту область, поневоле — он все-таки юморист, он должен смешить. Но попадает обязательно. Может быть, даже более прямой дорогой, чем те, кто пишут только “все-р-ез”, с нахмуренным — от сознания важности своего дела — челом” [3, 58]. У. Сарояна нельзя назвать юмористом в полном смысле слова. Смешить людей — не его призвание. Юмор и ирония возникали из-за незамысловатости, жизненности описываемых сюжетов, а вот в “область серьеза” он действительно попадал благодаря особенному свойству его таланта. Простые, казалось бы, взятые из повседневной жизни моменты вобрали в себя и перемешали смешные ситуации и тягостные воспоминания, боль потерь и чувство обездоленности, горечи, разочарования и умение радоваться каждому моменту жизни.

Глубокий смысл имеет выражение “старая родина”, не раз употребляемое У. Сарояном в новеллах. Получается, что писатель сознательно или подсознательно характеризует Армению как старую родину, и это деление происходит не только в сознании автора, а, скорее всего, и в сознании всех его земляков-армян. Старая — вовсе не символизирует забытую или ненужную страну, наоборот, это дорогая, любимая, та, на которую надо смотреть с уважением: ведь она несет опыт предков; та, из которой они — армяне Калифорнии — черпают силы, которую никогда не смогут

забыть, за которую испытывают гордость. Старая родина символизирует также наличие новой родины, на которой никак не выжить без воспоминаний. Они в Калифорнии, не в Армении, но они армяне, они все еще с гордостью носят ее имя. Люди никогда не смогут совсем отказаться от своих корней, истории, памяти предков – ведь без этого невозможно прожить. Как можно жить, если ты не знаешь, кто ты и откуда, что сделал твой народ, как он живет, о чем думает, – эти вопросы волнуют героев новеллы.

Каждое событие, так или иначе напоминающее о старой родине, оставляет в душе американских армян, жителей Фресно, глубокий отпечаток. Однажды, через несколько месяцев после своего приезда, генерал Андраник пришел к дяде: “Он вошел в кабинет тихо, почти стесняясь. Так тих и застенчив может быть только великий человек. Мой дядя вскочил из-за стола, обожая и любя Андраника в эту минуту больше, чем кого-либо другого на свете, и в его лице любя погибшую нацию, всех умерших и живых, рассеянных по всему миру. Вскочил и я, любя его, как и мой дядя, но только его одного, Андраника, великого человека, ставшего ничем, солдата, бессильного перед светом, где царит дешевый и фальшивый мир, человека, преданного вместе с его народом, с Арменией, от которой осталось одно воспоминание” [2, 59]. Это описание показывает, насколько похоже национальное восприятие и понимание мира, ситуации и судьбы Армении дядей, племянником и Андраником. После ухода гостя в глазах у дяди стояли слезы, но он не позволил себе заплакать. Наверное, нельзя продолжать жить дальше, если не настроить себя на то, чтобы быть сильными. Скорее всего, дядя старался быть достойным уважения генерала, даже если тот и не увидел бы его слез.

Как видно, пережитые армянами печальные события прошлого, хранимые в памяти, способствуют их единению – это как крест, как наказание, как тяжелая ноша, с которой они рождаются и проносят через всю жизнь. Боль, горечь потерь, но одновременно и гордость за то, что они это и есть они.

Одним из важных вопросов, который поднимает писатель в новелле, является вопрос о том, что есть родина. Он написал “Андраника Армянского” уже тогда, когда побывал в Армении – на своей прародине. Многие оказались похожими: “...лоза была точь-в-точь как калифорнийская, и лица армян Армении как две капли похожи на лица армян Калифорнии. Реки Аракс и Кура медленно несли свои воды по плодородной земле Армении, как реки Кингс-ривер и Сан-Хоакин текут по долине, где я родился. И солнце было теплым и добрым и ни в чем не уступало калифорнийскому”

[2, 63]. Получается, что географическая привязка к определенной местности несет очень важную функцию и, одновременно, не играет никакой роли. По мнению новеллиста, все зависит от человека, от его мироощущения, чувствования, восприятия. Пусть земли очень похожи, главное – кем представлять себя и с кем отождествлять. Писатель не смог забыть Армению, следовательно, значительная часть его души всегда была там, на той земле.

Исторические события Армении и история самого армянского народа оставили большой отпечаток в сознании У. Сарояна и, соответственно, повлияли на его мировосприятие, определили отношение к самому себе и к окружающим его людям. Доказательством этого могут служить новеллы писателя. Так, в “Андранике Армянском” автор задумывается не только о приезде генерала, радости и боли своих соотечественников, конфликте, послужившем причиной их эмиграции. Писатель рассуждает и о других людях, и о людях вообще, и о том, что они представляют из себя, в чем смысл их жизни и устремлений: “Новелла рассказывает о единстве человечества и делает акцент на существовании загадочного парадокса, состоящего в том, что люди могут быть жестокими и добрыми одновременно” [4, 68]. Что особенно важно, писатель рассуждает и о своем враге – турецком народе. В начале новеллы он пишет: “И да сгинут негодяи, что портят нам кровь. У нас, у армян, так, хоть это и неправильно. Негодяев не бывает. Армянин испытывает такое же чувство горечи, что и турок. Абсурдно, но я этого не знал. Я не знал, что турок – всего лишь простой, добродушный, слабый человек, который делает то, к чему его принуждают. Я не знал, что ненавидеть его – все равно что ненавидеть армянина, ведь что армянин, что турок – по сути, это один и тот же человек” [2, 54]. Такие слова можно считать проявлением человечности, гуманного отношения автора к людям вообще. Рассказчик не видит смысла в войнах: они нужны тем, кто стоит у власти и решает свои проблемы. Простые люди хотят жить мирно, растить детей, работать, но получается, что страдают и погибают именно они: на простой народ всегда ложится вся тяжесть испытаний. Изначально все люди одинаковы, у них нет ненависти к другим, они смертны и должны понимать это. Жизнь и так слишком коротка, чтобы тратить ее на войны и убийства. Писатель признает исторический парадокс: Андраник, которого так любили и уважали армяне, “убивал простых, добродушных, обыкновенных турок, но не уничтожил ни одного настоящего преступника, потому что все истинные преступники держались от поля боя подальше <...> И моя бабушка молилась за победу и во здравие Андраника, хотя и

знала, что турки — народ неплохой, как она сама говорила” [2, 54]. Но так было всегда и со всеми народами, на протяжении веков. У. Сароян не первый, кто задается таким вопросом. Эту истину несложно понять даже тем, кто родился на земле своих предков в мирное время и никогда не знал войн. Для писателя же этот вопрос стоит особенно актуально в свете событий, происходивших с его нацией. Автор приходит к выводу, что, несмотря на важность своего прошлого, на принадлежность к определенной нации, на сохранение своих корней, есть более значимые вещи, которые должны интересовать всех, независимо от того, кем является человек: “Какая разница, к какому народу принадлежать и какие политические теории исповедовать? Разве от этого уймется хоть ненамного боль и скорбь смертных? Разве это осчастливит, сделает могущественнее?” [2, 63]. Думается, этот глобальный вопрос был поднят писателем не случайно. Он рассуждал не только о себе, он принимал во внимание всех, рассматривая каждого человека как равного себе, одинакового, не как врага, а как брата, одновременно сохраняя и показывая чувство армянской национальной гордости и единство американских армян.

Проблема сохранения особенностей национального менталитета выражается в творчестве У. Сарояна не только посредством изображения реалий и уклада жизни армянской диаспоры, живущей в США, но и с помощью сравнения своей нации с другими. Писатель уделял немало внимания описанию других наций, эмигрировавших в Америку по тем или иным причинам, скорее всего потому, что они имели много общих черт. Часто их судьбы складывались похожим образом. Они были другими народами, с другими корнями, но попадали в одну и ту же атмосферу и сталкивались с одними и теми же проблемами. В новелле “Семьдесят тысяч ассирийцев” писатель затрагивает отчасти созвучную с предыдущей новеллой тему познания окружающих людей как равных себе.

Писатель рассказывает о том, как он, собираясь постричься, идет в одну из самых дешевых парикмахерских Сан-Франциско, точнее, в школу парикмахеров: “Я не стригся целых сорок дней и сорок ночей и стал похож на всех оставшихся без работы скрипачей. <...> Мы — малоазиатские варвары — народ волосатый. Если мы говорим, что нам нужна стрижка, значит, в самом деле нужна. Я так зарос, что единственная шляпа стала мне мала. <...> И вот я иду по Третьей стрит (Сан-Франциско) в училище парикмахеров, чтобы меня постригли за пятнадцать центов” [2, 74]. Как видно, рассказчик находится в достаточно стесненном материальном положении. Кроме простенькой парикмахерской, на это указывает и описание квартала, в котором она располага-

ется: бедное население, не знающее, чем себя занять за неимением работы. В парикмахерской собирается довольно длинная очередь и, ожидая своей очереди, автор останавливает внимание на обстановке, окружающих людях, рассуждает о жизни страны: “Писатель всегда стремится схватить реальные лица и фигуры” [2, 75]. Первые обыденные, как может показаться, очень простые выражения и фразы воссоздают многозначительное отношение автора к ситуации. Вроде бы и нет ничего особенного, всего лишь дешевая парикмахерская и достаточное скопление людей, которые пришли сюда с той же целью, что и он сам. Они постригутся и уйдут, забыв о посещении парикмахера еще на некоторое время. Однако для У. Сарояна это не просто день, не просто место и время. Окружающая его реальность представляется в качестве исторического снимка, фотографии на память, живой истории, факты которой надо запомнить и сохранить просто потому, что все это было на самом деле.

Н. Гончар справедливо отмечает, что этот рассказ, “условно говоря, бессобытийен и бессюжетен; он написан с установкой на то, чтобы быть прочитанным не как произведение “литературы”, а как стихийно излившаяся из-под пера запись о текущем моменте жизни с подключением к нему образа мыслей рассказчика и образа его сердца, если можно так выразиться” [5, 75]. Так, в начале новеллы дается описание молодого безработного парня из Айовы, с которым заговаривает рассказчик. От пронизательного и интересующегося происходящим вокруг взгляда писателя не ускользает тот факт, что этот человек переживает трудное время своей жизни: “Он мог бы выглядеть великолепно, как стопроцентный американец, но очень сильно осунулся. Недосыпает, несколько дней не менял одежду, немного напуган и т. д.” [2, 75]. Это импрессионистская зарисовка. Молодой человек действительно искал работу. Сравнивая свои трудности с трудностями молодого человека, рассказчик не хочет говорить о них, опасаясь, что Айове (такое имя он дал персонажу) писательские невзгоды покажутся преувеличенными. У. Сароян сочувствует ему и, обращаясь к нему на страницах своей новеллы, искренне желает удачи и счастья, в надежде, что парень действительно найдет работу на севере и не умрет от голода.

Еще одним персонажем новеллы становится ученик парикмахера, японец: “Я пристально наблюдал за японцем. По тому, как он ворочит нос от рта этого старикана, я хотел понять, о чем он думает, что переживает. Много лет назад, когда мне было семнадцать, я работал на подрезке лозы на винограднике своего дяди, к северу от Сан-гера, в долине Сан-Хоакин, и со мной работали несколько японцев — Йошио Энмото, Хидео

Сузуки, Кацуми Судзимото и еще пара человек” [2, 76]. Писатель прекрасно запомнил их имена, а также несколько простых фраз, которым они обучили его, на японском языке. С одной из них он обращается к парикмахеру и получает ответ на английском. Японец не без интереса спросил, не жил ли собеседник в Японии: ведь странно слышать от американского армянина вопрос на родном языке. Рассказчик узнал и про знакомых ему японских соотечественников. Оказалось, что японец знаком с Сузуки и что тот женился. Думается, рассказчику было приятно общаться с японцем, и тем более узнать от него хорошие новости о своих старых знакомых. Труд на винограднике запомнился ему не только как процесс работы как таковой. Это событие повлекло за собой и множество других воспоминаний. Уже там, на винограднике, писатель интересовался, чем живут эти непохожие на него и вместе с тем совершенно одинаковые люди, он также интересуется их жизнью и много лет спустя, сидя в парикмахерской и наблюдая за работой увиденного им японца. У. Сароян не говорит, к каким выводам он приходит. В новелле он только упоминает, что думает о людях. Однако, можно сделать вывод, что подобный образ мышления складывается у него на подсознательном уровне. Писатель с детства видел различия между собой, своей семьей и давно обосновавшимися в Америке жителями, а также другими народами. Он понимал, что его образ мыслей и поведение часто отличались от образа мыслей окружающих, а соответственно, старался понять, как и о чем думают другие люди. Возможно, будь в данном случае на месте японца армянин или хотя бы американец, писателю было бы проще предсказать его отношение к постригавшемуся бродяге, а вот образ мыслей японца оставался загадкой: их не так много было в Америке в то время, а он не очень хорошо знал их культуру, так как раньше таких людей не встречал.

Самое интересное знакомство произошло у писателя с высоким человеком “со смуглым, сосредоточенным лицом, плотными губами на грани улыбки, правда, печальной, густыми ресницами, грустными глазами и крупным носом” [2, 76]. На карточке рассказчик увидел его имя – Теодор Бадал, и подумал: “Хорошее имя, истинное. Хороший молодой человек, истинный” [2, 76]. Внешность, как и имя привлекли внимание автора. По смуглости и чертам лица можно сразу определить, что Теодор Бадал принадлежит к одной из восточных национальностей, на то же указывает и его необычное имя. У. Сароян называет его “истинным”. За свою жизнь он встречал много разных имен, много рассуждал об их происхождении. Известно, что американцам казались странными армянские имена и, желая облечь

их в более удобную для произношения форму, они часто меняли их на созвучные английские. Подобрать же более органичное для английского языка звучание имени – означает сделать его “другим”, лишить индивидуальности. Получается, что человек остается тем же, а имя его уже не отражает прежней сущности, не несет смысловой нагрузки, делает его похожим на окружающих. Между тем, имена и фамилии людей формировались на протяжении веков и в определенном языке обычно несут определенную смысловую нагрузку. Человек и имя образуют единое целое, сливаются. Получается, что имя Теодора Бадала истинное, потому что неизменное, настоящее, сохранившее свои отличительные черты.

Из разговора с Теодором Бадалом, своим парикмахером, рассказчик узнает, что он ассириец. Автор не боится спросить его о его национальной принадлежности, объясняя это просто: “Люди смотрят на меня и строят догадки о моем происхождении, поэтому я им сразу говорю: Я – армянин. <...> Мы – народ малочисленный, и когда один из нас встречает другого, это целое событие. Мы все время ищем, с кем бы поговорить на своем языке. По оценкам нашей самой честолюбивой партии в мире, нас наберется миллиона два, но в большинстве своем мы придерживаемся иного мнения. Большинство садится, берет карандаш и бумагу и перебирает одну часть света за другой, пытаясь представить, сколько же армян может проживать в той части света, и записывает самое большое число на бумагу, а затем принимается за следующую часть света <...> и всего получается не больше миллиона” [2, 81]. Подсчет численности своей нации представляется очень важным для ее представителей. Им кажется, что чем больше ее ряды, тем они сильнее, тем живее их национальный дух, тем легче его сохранить. Теодор Бадал оказался ассирийцем, представителем другой нации, но это не сильно огорчило рассказчика: “Они, ассирийцы, родом из той же части света, что и мы, у них носы похожи на наши, глаза похожи на наши, сердца похожи на наши” [2, 82]. Автор рад, что повстречал почти соотечественника. Вполне возможно, что если бы он встретил его в другом месте и в другое время, и если бы судьбы их стран сложились по-другому, он не был бы так рад поговорить с ним, не отметил бы их схожие черты. Но здесь, в Америке, они практически братья, хоть и говорят на разных языках. Можно даже предположить, что родители ассирийца, так же как и родители Сарояна, приехали в Америку до его рождения или он родился незадолго до их переезда, так как его имя – Теодор – явно имеет не ассирийские корни, как и имя Уильям. А вот фамилии остались у обоих прежними. В ходе разговора рассказчик снова вспоминает знакомых

ему представителей, на этот раз, уже ассирийской нации: “Я был знаком с ассирийскими ребятами в своем родном городе – Джозефом Саркисом, Нито Элией, Тони Салехом. Ты кого-нибудь из них знаешь?” [2, 82]. Автор снова отчетливо помнит все имена. Оказывается, что Теодор был знаком с одним из ребят. Так, в такой большой стране как Америка, пишет У. Сароян, удивительным образом переплетаются судьбы разных людей и, встречая друг друга впервые, они находят много общих тем для разговора: “Мы заговорили об ассирийском языке, об армянском языке, о старой родине и о том, как там живется” [2, 83]. Из разговора писатель узнает много интересного. Особенно неожиданным для него явилось желание Теодора забыть Ассирию (в диалоге он также называет ее “старой родиной”). Дело в том, что его страна тоже перенесла множество невзгод и лишений: и если в Армении бесчинствовали турки, то в Ассирии – арабы, политическая ситуация была нестабильной. Люди разъехались в разные части света, чтобы иметь возможность жить спокойно. И вот теперь он, Теодор Бадал, ассириец, работает парикмахером в Америке, вместо того, чтобы продолжать жить, как жили его предки. Он не хочет учить ассирийский язык, численность их нации – всего семьдесят тысяч, и эти люди стремятся просто спокойно жить, в связи с резней и переездами у них нет писателей и особенных новостей, им приходится заниматься только собой. Ассирийцы помнят о своей великой цивилизации, но сейчас некому продолжать вековые традиции: “Мы занимались не тем, чем надо, – простыми вещами – искали мира и покоя для своих семей. Не увлекались машинами, завоеваниями, милитаризмом. Не увлекались дипломатией и обманом, не изобретали пулемет и ядовитые газы. Разочаровываться нет смысла. Думаю, был и у нас звездный час” [2, 84]. Все эти проблемы схожи с проблемами армянского народа, но ситуация все-таки не критическая: “У нас то же самое. Мы тоже древний народ. У нас еще сохранилась своя Церковь. Есть, правда, несколько писателей – Агаронян, Иссакаян и еще кое-кто, а так все то же самое” [2, 84]. Наличие своей церкви для народа обозначает сплочение и единение, поддержание традиций не только культурных, но и духовных. Не останавливаясь подробно на процессах распространения христианства в Армении, отметим, что в жизни армянского народа вера и соотносимая с ней Святая Армянская Апостольская Церковь играют чрезвычайно значимую роль. Армяне, как и каждый другой народ, характеризуется особенностями этногенеза, многосюжетной национальной историей, самобытной этнической культурой. Ментальность армян зиждется на акцентированной этнической идентификации, на

поддержании этнической дистанции, на развитом этнопрофессионализме и выраженной социальной конкурентоспособности. Армянский характер не отличается простотой нравов, лояльностью и излишней открытостью. Он сформировался и продолжает концентрироваться вокруг таких ценностей, как упорство, трудолюбие, целенаправленность и целеустремленность.

Кроме того, если у армян есть свои писатели, а их на самом деле немало, то, значит, это нужно нации, значит, она не только жива, но и будет продолжать жить, смотря в будущее с надеждой: “Мы живем надеждой, – сказал я. – Нет такого армянина, который и теперь бы не мечтал о независимой Армении” [2, 84]. У ассирийцев надежды уже почти не осталось. Брат Бадала женат на американке, значит, продолжения ассирийского рода в его семье уже не будет. Арабы убивают его и без того малочисленных соотечественников. Его отец, правда, еще читает газету, приходящую из Нью-Йорка (по всей видимости, на ассирийском языке или для ассирийцев), но его скоро не станет. Теодор совсем не знает языка. Следовательно, ассирийцев уже нельзя даже назвать диаспорой, они растворились среди других национальностей и с трудом сохраняют память о своей собственной: “Семьдесят тысяч ассирийцев, всего семьдесят тысяч уцелело из этого великого народа: все остальные умолкли в забвении и смерти, под развалинами величия, – а молодой человек в Америке учится на парикмахера и горько оплакивает свою историю” [2, 84].

С ассирийцами, как подчеркивается в новелле, кажется, случилось самое страшное – они практически потеряли себя, а те из них, кто сохранил еще какую-то память, мучаются от осознания того, что их воспоминания будут последними. Они уже не относятся к семье, как к основному хранилищу национальной памяти и традиций, не учат родной язык и не общаются на нем, не помогают родине вернуть былое величие, считая, что это бесполезно. Рассказчику как армянину “было больно слышать подобное. Мне всегда было горько, когда мой народ истребляли. Я никогда не слышал, чтобы ассириец обсуждал такие вещи по-английски. Я проникся огромной любовью к этому парню” [2, 84]. Естественно, к этой любви примешивалось огромное чувство сострадания, желания разделить эти тяготы, как-то помочь. Однако нельзя забывать и о том, что имеется существенная разница между армянами и ассирийцами. Если армянский народ покинул свою страну не так давно, и на старой родине остались еще армяне, не перестававшие поддерживать огонь в очаге родного дома, то ассирийцы расселились по свету много лет назад, а их страна практически перестала существовать.

Новелла “Семьдесят тысяч ассирийцев” явилась одним из самых известных, знаменательных, особенно ярко показывающих авторский настрой произведений У. Сарояна. В ней, как и во многих других новеллах, особенно ярко проявилась мысль писателя о глобальном человеческом единении, возникшая, думается, в силу пережитых писателем событий: “Если у меня и есть какое-нибудь желание, так это показать братство людей. Заявление громкое и звучит несколько претенциозно. Обычно мы стесняемся говорить такие вещи. Боимся, что утонченная публика нас засмеет. А я не боюсь. Я прошу, чтобы утонченная публика смеялась. На то и утонченность. Я не верю в расы. Я не верю в правительства. Я вижу жизнь в единственном числе и в одном времени. Миллионы жизней одновременно, по всему свету. Младенцы, не умеющие говорить ни на одном языке, и есть единственная раса на земле, род человеческий” [2, 78]. Это заявление звучит как лозунг, провозглашение единой теории для всех, так как писатель верит, что практически все люди объединены сходными проблемами, просто не все это замечают. Расы — это всего лишь научная дифференциация людей, но, независимо от расы, люди остаются людьми. Это заявление есть и своеобразный способ помочь пострадавшим по-другому взглянуть на вещи, не возбуждать в них еще большую злобу, а уравновесить, смирить гнев, показать, что они не одни. У. Сароян здесь сводит к минимуму все национальные различия, говоря, что язык не столь уж важен. Важно продолжение человеческого рода, а для этого надо стереть все различия и начать мыслить, как мыслит младенец, не говорящий и не думающий на каком-либо языке, но чувствующий еще нетронутую красоту духовной гармонии и единения.

Представляется важным отметить и тот факт, что в такой стране, как Америка, пожалуй, проще сохранить особенности национального менталитета, чем в любой другой стране мира благодаря тому, что Соединенные Штаты Америки сами по себе являются многонациональным государством, уделяющим особое внимание защите прав и идентичности живущих в государстве народностей. Америка — относительно новая страна, имеющая недолгую историю, поэтому большинство культурных, материальных и духовных ценностей были привезены туда ее

новыми жителями со всех уголков земного шара, сохранены и развиты на ее земле, включая даже официальный государственный язык.

В конституции США сказано, что все граждане этой страны равны, независимо от цвета кожи и национальности. Главное — они американцы. Такой подход внушается живущим в Америке людям с детства. С одной стороны, он выравнивает людей, обращая внимание, прежде всего, на Америку — самую главную для них страну, где они живут. С другой — этот же самый подход невольно препятствует развитию межнациональной розни, а, следовательно, предоставляет возможность в полной мере сохранять армянские, русские, ирландские, еврейские и другие национальные корни без ущемления прав национальной идентичности. Все граждане едины и различны одновременно. Америка для поселившихся в ней наций представляется как общим домом, принявшим их, так и своеобразным внешним врагом, перед лицом которого язык и часто религия различных народностей способствуют собственному самосохранению. “Национальные особенности — достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенародных черт” [6, 36], — читаем мы у Д. С. Лихачева, и с ним нельзя не согласиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова М. К. Национальная ментальность и национальные литературы в (пост)имперскую эпоху / М. К. Попова, П. А. Бороздина, Т. А. Тернова. — Воронеж: ВГУ, 2006. — 176 с.
2. Сароян У. Ученик брадобрея / У. Сароян. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 320 с.
3. Зверев А. М. Грустный солнечный мир Сарояна / А. М. Зверев. — Ереван: Советакан грох, 1982. — 200 с.
4. Floan Howard R. William Saroyan / Howard R. Floan. — New York: Twayne Publishers, Inc., 1966. — 176 p.
5. Гончар Н. А. Вильям Сароян и его рассказы / Н. А. Гончар. — Ереван: Изд во Ереванского гос. ун та, 1976. — 216 с.
6. Лихачев Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев // Новый мир. — 1980. — № 3. — 153 с.

*Фадеева Е.С.
Воронежский государственный университет.
Соискатель кафедры зарубежной литературы
филологического факультета.
katfadeeva@mail.ru*

*E. S. Fadeeva.
Voronezh State University.
Asparant of Foreign Literature Department.
katfadeeva@mail.ru*